

Дмитрий КАРШИН

НОЧНАЯ ТРАВА

* * *

Проснись, торопит река.
Последний осенний лист
Цепляется за рукав.
Пора уходить, проснись.

Над городом снег с дождем.
Нагие деревья спят.
У пристани лодка ждет
Последняя, ждет тебя.

И желтый горит фонарь,
Как будто зовет домой,
И вьется ночной туман
По стеблям травы речной,

А лодочник, старый друг,
Нальет вина на пятак.
Однажды, когда умру,
Все будет именно так.

* * *

Ночное небо накрывало дома,
Ночная птица прилетала из тьмы.
Откуда точно, и не знала сама,
И пела песни триста лет, до весны.

И мы старели и вздыхали во сне,
И наши дети возвращались домой,
И рисовали облака на стене,
Обычным мелом на стене голубой.

* * *

Там, где кончается старость
И начинается тень,
Лодка к причалу пристанет,
Скрипнет в кустах коростель,

В доме проснется собака,
Чашку столкнет со стола,
Дряхлая, в ветхой рубахе,
Встанет над крышами мгла.

Кто там поет за рекою,
Музыка сводит с ума...
Там, где кончается поле
И начинается тьма.

* * *

1.

Двум старикам, на прошлом берегу
Оставленным, привозит катер хлеб,
Табак и спички. С озера туман
Еще бесцветной улицей течет,
Еще пусты подъезды и мосты,
А у причала кашляет движок,
И в дом напротив приоткрыта дверь.

2.

Мы жили рядом, на краю земли,
Один и тот же ветер пел в окно,
Шумел травой, раскачивал фонарь
За облаком. И снились голоса
В прихожей, и бродили сквозняки
По темным коридорам первых нот,
Под сонный лепет часовых пружин.

3.

Теперь здесь пусто. Расскажи, когда
Потерян ключ, затоптаны цветы
И выбито стекло. Который год
Ты собираешь вещи, старый плед
Латаешь затупившейся иглой,
Качаешь на коленях и молчишь.
И все никак не едешь. Старики,
Конечно, умерли. Конечно, все прошло.

* * *

Безжизненная туша парохода
Лежит в песке, и объедает время
С его боков соленое железо.

Под тень его, закрывшую полсвета,
Стекаются со всей округи камни,
Огни дорог и голоса деревьев,

И то ли снятся, то ли тихо плачут,
Что прожит век, что стоптан подорожник,
Что край земли кончается с причалом,

И не успеть за отступившим морем.

* * *

Пересвистываясь на восьми языках,
В приоткрытую тень улетели птенцы
Свиристелей, и жаворонков, и синиц,

И качается ветка, и нет никого,
Только ветер вздыхает и мне говорит:
«Мы с тобой почирикаем позже, прощай!

Есть другие дела и иные слова,
И шиповника куст, зацепивший рукав,
И ночная трава, и камыш на реке,

И звезда над холмами на том берегу».

* * *

Данишлу Хармсу

На Пискаревском кладбище
В голодной тишине
Тень шутника и бабника
Стихи читает мне.

Чужие, непохожие
На прежнюю игру,
Они скрипят галошами
По мерзлomu двору.

Они скребутся ветками,
Кричат в окно совой
И занавеской ветхою
Шуршат над головой.

А ты лежишь без имени
В дурацком колпаке
И пуговицу синюю
Качаешь в кулаке,

Как будто ей обещаны
И темное окно,
И чистый лист, и женщина,
Забытая давно,

И свет луны над городом,
И метеора путь...
И даже птица черная,
Слетевшая на грудь.

* * *

На позднюю осень похоже —
Дожди, ледяные деревья
И темные спины прохожих —
Последнее стихотворенье.

Не знаю, куда уезжаю,
В какие туманы и горы,
Но волчьими смотрят глазами
Дворы, перекрестки, заборы,

Ревнуя к луне и дороге,
И птице, притихшей во мраке...
Когда просыпаются строки
И грустно бредут по бумаге.

* * *

Пустые скорлупки имен
Рассыпаны всюду, где жили,
Где пели и видели сны,

Где снег на дороге лежал,
По снегу ходили сороки,
И дети смотрели в окно

На яблони, на облака,
Собаку, коляску, соседа
В бесцветном вчерашнем пальто...

Когда еще были полны
Пустые скорлупки имен.

Галке Медведевой

Галке Медведевой, в память
Прошлой холодной земли,
Тянутся льды под мостами
Белые, как корабли.

Мимо ограды, аптеки,
Липы у ваших ворот,
Катятся вешние реки,
Синие, как небосвод.

Тают последние тени,
Пахнет травой от земли.
Вот и кончается время,
Серое, как журавли.

